

АВТОБІОГРАФІЯ ОБЫКНОВЕННОГО ЧЕЛОВѢКА*).

Curandum est, ut habeas iu factis memoriam, in tempore cautionem, in moribus ingenuitatem, in labore patientiam, in metu pietatem, in divitiis amittitiam, in oratione persuasionem. in silentio decorum, in mente justiciam“.

Bias ex Ausonio dicta.

Предпринимая писать свою автобіографію, я вовсе не имѣю въ виду рассказывать мои собственные дѣйствія. Я жилъ какъ многіе другіе, прошелъ мой путь незамѣченнымъ. потому что не умѣлъ заставить себя замѣтить, и жизнь моя, если и могла-бы быть полезною, какъ собраніе опытовъ для предостереженія другимъ, вообще такъ мало представляетъ важнаго, что я не смѣю и думать описывать ее въ поученіе или назиданіе моихъ собратій. Какая же цѣль моего труда? Очень простая: сохранить на бумагѣ что болѣе и болѣе утрачивается изъ нашихъ старинныхъ нравовъ, что уже становится темно и въ самомъ преданіи, но чѣмъ жили наши отцы, что служило основой тому развитію, которое видимъ въ настоящее время.—Многое я видѣлъ самъ и многое слышалъ отъ очевидцевъ. Періодъ этихъ рассказовъ и воспоминаній заключается въ $\frac{3}{4}$ столѣтія и если не непосредственно, то чрезъ третье лицо достигаетъ даже до первыхъ годовъ царствованія Елисаветы. Для сохраненія этого на бумагѣ я избралъ форму автобіографіи, какъ облегченіе для моихъ воспоминаній, потому что большая часть моихъ рассказовъ естественно связана съ фазами моей жизни. Послѣ этого, надѣюсь, меня не обвинять въ излишнемъ самолюбіи, которое могло-бы показаться побужденіемъ къ описанію моей жизни.

*) Подъ этимъ заглавіемъ графъ Д. Н. Толстой напечаталъ въ „Иллюстраціи“ Башуцкаго (1848, № 33) свои Воспоминанія, которыя, много лѣтъ спустя, продолжалъ и помѣщалъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1887 года, выпускъ 5-й. П. Б.

Я родился 12 Марта 1806 г. Рязанск. г. Данковск. у., въ сель...., Въ періодъ царствованія Екатерины II, большая часть государственныхъ дѣятелей образовалась по ея предначертаніямъ: почти всѣ помѣщики служили въ то время. Послѣ кратковременнаго царствованія императора Павла, новый молодой Императоръ, въ Бозѣ почивающій Александръ, вступая на престолъ, предрекъ идти по слѣдамъ мудрой бабки. И такъ эта эпоха, хотя хронологически принадлежитъ къ царствованію императора Александра, но должна быть разсматриваема какъ послѣдній остатокъ Екатерининскаго вѣка.

Отецъ мой родился въ 1754 г. Получивъ воспитаніе въ родительскомъ домѣ, онъ вступилъ въ службу въ Преображенскій полкъ, изъ котораго вышелъ въ отставку премьеръ-маіоромъ и по смерти своего отца, а моего дѣда, женился на дочери князя*) въ 1795 г.

Не вдаваясь въ подробности описанія жизни моихъ родителей, считаю однакоже нужнымъ хотя вкратцѣ начертить ихъ характеристику.

Отецъ былъ человѣкъ православный, сердечно былъ привязанъ къ церкви и строго исполнялъ ея предписанія; онъ былъ характера веселаго, любилъ шутить. былъ крайне добросердеченъ, но вмѣстѣ съ этимъ чрезвычайно вспыльчивъ: условіе его сангвиническаго сложенія. Онъ былъ знакомъ съ Нѣмецкимъ и Французскимъ языками, страстно любилъ чтеніе, но предпочтительно читалъ на Русскомъ, имѣлъ способности къ рисованію, былъ любителемъ живописи и музыки и самъ недурно игралъ на скрипкѣ.

Мать, которая была моложе его 20 годами, получила и образованіе позднѣйшее. Она уже свободнѣе разумѣла по французски, училась по итальянски, а изъ искусствъ—играть на флейтѣ. Привязанная не менѣе отца къ нашей церкви, она не столько, какъ онъ, была знакома съ ея чиновленіями, но за то практически была истинною христіанкою въ самомъ высокомъ значеніи этого слова.

Я былъ послѣднимъ сыномъ и меньшимъ членомъ изъ нашего семейства. Воспитаніе мое было повтореніе того, что дѣлали со старшими, какъ учились и мои родители.

На 5-мъ году моего возраста мнѣ купили букварь, дали указку, заставили помолиться, повторить эпиграфъ букваря: „Вонми ми, Господи, и вразуми мя во ученіе сіе“ и посадили за грамоту.

Учитель мой былъ нашъ крѣпостной человѣкъ. Какъ теперь помню почтеннаго старика. небольшого роста, сѣденькаго, съ совершенно

*) Львова. П. Б.

плѣшивую головою. Онъ былъ хорошій грамотѣй, особенно привязанъ къ нашему семейству и насъ, дѣтей, любилъ искренно.

Ежедневно заставляли меня учиться, и всякій разъ урокъ начинался приказаніемъ перекреститься и произнести въ слухъ вышеприведенный эпитафій букваря.

Но една я успѣлъ выучить азбуку, склады и читать довольно бойко: азъ, ангель, ангельскій, архангель, архангельскій и пр., а изъ гражданской азбуки нравоученіе (Буди благочестивъ, уповай на Бога и люби Его всѣмъ сердцемъ) какъ учитель мой умеръ, а съ нимъ прекратилось систематическое обученіе меня грамотѣ.

Въ это время у насъ въ домѣ жилъ учитель Французскаго языка и прочихъ наукъ, нѣкто Швейцарець М. Оставшаяся по немъ въ семействѣ нашемъ память доселѣ съ благодарностію свидѣтельствуетъ о его прекрасныхъ качествахъ, но онъ жилъ у насъ недолго. На мѣсто его для сестеръ нанята была Француженка m-me P. Она должна была обучать все семейство Французскому языку, сестеръ музыкѣ и рисованію и быть ихъ гувернанткою, а для братьевъ и для меня былъ нанятъ, по контракту, въ гувернеры Рижскій уроженецъ Ф. М. Итальянскаго происхожденія. M-me P. была Француженка въ полномъ смыслѣ слова, *une femme complètement émancipée*, гораздо прежде Жоржъ-Зандѣ. Легкомысленная, кокетливая, до безумія любившая наряды и отнюдь не любившая своей 9 лѣтней дочери (милаго ребенка, терпѣливо переносившаго дурное обращеніе матери) она не долго оставалась съ нами и по приказанію моихъ родителей должна была уѣхать.

Herr или Signor Ф. М. имѣлъ другія качества и жилъ у насъ довольно долго. Онъ плохо и съ Нѣмецко-Итальянскимъ выговоромъ говорилъ по-французски, свободно изъяснялся по-нѣмецки и, принадлежа къ кондитерскому цѣху, превосходно работалъ картонныя вещицы. Женатый на одной Каширской дворянкѣ, онъ ей былъ обязанъ хорошимъ поведеніемъ. Эта почтенная женщина (умершая въ нашемъ домѣ) имѣла большое вліяніе на его характеръ и при ея жизни Ф. М. вель себя неукоризненно. Умственное образованіе его не получило особеннаго развитія: онъ былъ безграмотенъ. По смерти жены онъ влюбился въ одну изъ нашихъ горничныхъ дѣвушекъ, женился на ней, былъ за это лишенъ чести обѣдать за однимъ съ нами столомъ, въ послѣдствіи предался совершенно пьянству, скитался нищимъ по Московскимъ улицамъ и умеръ въ Малороссіи.

Познакомивъ читателя съ моими воспитателями, я естественно далеко ушелъ впередъ отъ моего дѣтства. Но я сдѣлалъ это съ намѣреніемъ, чтобы показать, подъ вліяніемъ какихъ людей было воспитано наше семейство. И что же? Тѣ, которые знаютъ его, отдадутъ справедливость безукоризненной нравственности, высокой честности и непоколебимой дружбѣ его членовъ. Смѣло и съ чувствомъ гордости скажу, что я ни разу въ жизни не краснѣлъ за моихъ сестеръ и братьевъ. Что же оградило насъ отъ опасностей? Церковно-нравственное воспитаніе, практическіе примѣры родителей и ихъ бдительный за нами надзоръ. Наймомъ иностранцевъ отецъ платилъ дань своему вѣку, въ который думали, что „намъ безъ Нѣмцевъ нѣтъ спасенья“; но ни онъ, ни мать никогда не подозрѣвали, что пріемомъ въ домъ наемниковъ прекращаются собственныя ихъ обязанности къ дѣтямъ.

Со смертію моего крѣпостного учителя, какъ я сказалъ, уже кончилось систематическое ученіе мое грамотѣ, и я занимался ею въ „охотку“. Но „охота пуще неволи“, и я скоро прочелъ Часословъ, потомъ Псалтырь и принялся за Новый Завѣтъ, который читалъ подъ руководствомъ отца.

Я бойко уже читалъ Славянскую грамоту и, при ежедневномъ служимыхъ въ домѣ всеночныхъ, исправлялъ должность псаломщика, читая предначинательный псаломъ и стихословіе 1-й каѳизмы. Такіе успѣхи, а пуще любовь къ чтенію, обратили на меня вниманіе отца: онъ рѣшился торжественно наградить меня.

Для этого былъ выбранъ день именинъ моихъ, 21 Сентября. За недѣлю отецъ объявилъ мнѣ, что намѣренъ заставить меня читать Апостолъ въ этотъ день въ церкви. Тотчасъ меня начали учить читать его на распѣвъ, въ особенности же выводить голосомъ окончаніе чтенія, что составляетъ самую величайшую трудность для неумѣющихъ. Чтобы облегчить мнѣ, буквально, тяжесть книги, сдѣлали маленькій напой, на которомъ я долженъ былъ читать Апостолъ. Не помню, былъ ли я когда нибудь въ теченіи моей жизни чѣмъ либо болѣе обрадованъ, какъ этою наградою. Я, какъ говорится, ждалъ—не дождался дня; когда онъ насталъ, проснулся чрезвычайно рано и другимъ не давалъ спать повтореніемъ моего Апостола.

Не знаю, какъ покажется эта награда теперешнимъ моимъ современникамъ: но я, на разстояніи 35 лѣтъ отдѣляющихъ нынѣ меня отъ этой эпохи, все еще предпочитаю ее тѣмъ, которыя даются нынѣ въ семействахъ дѣтямъ за успѣхи въ ученіи. Притомъ же надо обратить

вниманіе на выборъ Апостола: отецъ, знавшій твердо церковный уставъ, не безъ намѣренія выбралъ для этого чтенія день моихъ именинъ. Въ этотъ день церковь читаетъ 335 зач. посланія Св. Ап. Павла къ Евреямъ. Вотъ оно: „Повинуйтесь наставникамъ вашимъ и покоряйтесь, ти бо бдятъ о душахъ вашихъ“ и пр. Неправда ли, трудно выбрать лучшее для чтенія ребенка, который, изучая при этомъ звукоизмѣненія голоса на церковный напѣвъ, выучилъ и все посланіе наизусть?

Переходя къ дальнѣйшему разсказу о моемъ дѣтствѣ, я считаю нужнымъ прежде всего познакомить читателя, какъ съ мѣстомъ дѣйствія, такъ и съ дѣйствующими лицами.

Мы постоянно жили въ деревнѣ. Лѣтомъ мы помѣщались въ большомъ каменномъ домѣ, выстроенномъ еще дѣдомъ и окруженномъ огромнымъ садомъ въ Голландскомъ вкусѣ. Дѣдъ мой¹⁾, бывшій нѣкогда воеводою въ, въ послѣдствіи былъ предсѣдателемъ верховнаго земскаго суда въ Онъ былъ женатъ на княжнѣ²⁾ Имѣя довольно большое состояніе, онъ жилъ открыто, былъ большой хлѣбосоль и пользовался особеннымъ уваженіемъ въ своемъ кругу.

Я лично не зналъ его, потому что, какъ уже сказалъ, отецъ женился послѣ его смерти; но много слышалъ о немъ какъ отъ отца, такъ и отъ людей нашихъ, которые ему служили. Эти послѣдніе съ особымъ восторгомъ разсказывали разныя барскія его затѣи, какъ напримѣръ давалъ онъ однажды у себя въ деревнѣ какой-то праздникъ и устроилъ въ сосѣдней роцѣ ярмарку, сдѣлалъ ряды, лавки, наполнилъ ихъ разными мелочными, а частію и мануфактурными, товарами; посадилъ въ эти лавки своихъ дворовыхъ людей и послѣ обѣда пошелъ гулять въ роцѣ съ гостями, не предупредивъ ихъ о своей затѣѣ. Удивленіе гостей тѣмъ было для нихъ пріятнѣе, что товары изъ лавокъ продавали имъ даромъ. Разсказывавшіе мнѣ объ этомъ присовокупляли, что слухъ о ярмаркѣ такъ распространился между купцами, что на другой годъ къ этому дню пріѣхали торговцы, не только изъ ближайшихъ городовъ, но за 150 и 200 верстъ.

Дѣдъ изъ значительнаго состоянія оставилъ наслѣдство моему отцу только около 300 душъ и въ числѣ ихъ болѣе 100 ч. дворовыхъ людей.

На зиму перебирались мы въ деревянный домъ. Этотъ домъ первоначально состоялъ изъ 5 небольшихъ комнатъ; съ увеличеніемъ на-

1) Графъ Федоръ Ивановичъ, депутатъ комиссіи объ Уложеніи; это внукъ перваго графа Толстого, что извоилъ царевича Алексѣя Петровича. П. Б.

2) На княжнѣ: Евдокія Михайловнѣ Волконской. П. Б.

шего семейства отецъ перестраивалъ вновь сначала по комнатамъ, и потомъ цѣлыми связями и, наконецъ, присоединилъ къ этому строенію цѣлый домъ въ 8 комнатъ. Принимая въ соображеніе удобство жизни, а отнюдь не внѣшнее изящество, онъ не составлялъ предварительно никакого плана. Такимъ образомъ домъ этотъ росъ, можно сказать, какъ дикая трава, выпуская изъ себя отростки, одни длинныя и узкіе, другіе широкіе и короткіе. Изъ этого вышло какое-то чудное зданіе, вмѣщавшее въ себѣ безчисленное множество комнатъ, расположеніе которыхъ сознательно никому не было извѣстно. Мы ходили въ немъ по привычкѣ или, можно сказать, по инстинкту.

Въ этомъ домѣ, къ которому прилегалъ другой садъ, разведенный моей матерью уже въ новѣйшемъ Англійскомъ вкусѣ, жили мои родители, пять сестеръ, два старшихъ брата и я; сверхъ того родная тетка моей матери и родная сестра моего отца (обѣ престарѣлыя дѣвицы), гувернеры, гувернантки, воспитанники и воспитанницы (дѣти бѣдныхъ сосѣднихъ дворянъ), камердинеры и подкамердинеры моего отца, официанты, буфетчики, лакеи, цѣлая дворня. Кромѣ того всякій день были гости, или сосѣдніе помѣщики, или городскіе чиновники. Съ этими послѣдними не церемонились: немногіе изъ нихъ удостоивались чести обѣдать съ нами, остальные кушали за официантскимъ столомъ.

Къ числу гостей принадлежали нѣкоторые періодическіе посѣтители.

Первое мѣсто изъ нихъ занимаетъ Н. А...., артилеріи штыкъ-юнкеръ, служившій еще во времена императрицы Елисаветы. Я какъ теперь его помню: небольшой, чистенькій старичекъ, совершенно лысый, веселаго характера. Жена его В. А., почти одинаковыхъ съ нимъ лѣтъ, добрая почтенная старушка, отмѣнно опрятная, можно сказать чопорная. У нихъ было двѣ дочери, давно отдѣленные и выданныя замужъ: остальное значительное имѣніе они прожили на хлѣбосольствѣ и гостепріимствѣ, и все достояніе ихъ заключалось въ огромномъ шести-мѣстномъ рыдванѣ, одной повозкѣ и фурѣ съ потребнымъ количествомъ лошадей, кучеровъ, въ форейторѣ, лакеѣ, поварѣ и горничной. Съ этою свитою и въ этомъ подвижномъ домѣ они разъѣзжали по своимъ родственникамъ и знакомымъ. Пріѣхавъ къ намъ, они чрезвычайно были рады насъ видѣть, помѣщались въ отдѣльныхъ комнатахъ и распоряжались какъ дома. Отецъ, кромѣ обычнаго своего гостепріимства, оказывалъ имъ всегда глубокое уваженіе, какъ старшимъ родственникамъ; но это не мѣшало, однако, старческимъ ихъ капризамъ, и мѣсяца черезъ два-три они начинали на насъ сердиться, потомъ ссори-

лись и наконецъ уѣзжали *на всегда* къ другимъ роднымъ или знакомымъ. Тамъ, вѣроятно, повторялось тоже, потому что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они опять являлись къ намъ и снова разставались *на вѣчную* разлуку. Привычка хлѣбосольтва, стоившая имъ имѣнія, не оставляла стариковъ и въ чужомъ домѣ. Нерѣдко они и у насъ звали насъ же къ себѣ въ гости и угощали кофеемъ, единственнымъ произведеніемъ, которое пріобрѣтали на деньги и возили съ собою. Остальное содержаніе ихъ людей и лошадей никогда не стоило имъ ни копѣйки.

Другими періодическими посѣтителями были разные благочестивые путники, монахи, отшельники, отставные офицеры и т. п. Они получали помѣщеніе, имѣли особый столъ, нерѣдко получали и всю одежду. Занятія ихъ у насъ въ домѣ заключались въ хожденіи въ церковь, исправленіи при служеніяхъ обязанностей чтецовъ или клирошанъ лѣваго клироса. Многіе изъ нихъ, послѣ дальнихъ и безпрестанныхъ странствій, нашли послѣдній пріютъ подъ сѣнію нашей деревенской церкви.

Отношенія отца моего къ крестьянамъ и дворовымъ людямъ были чисто-патріархальныя. Они искренно любили его и уважали въ немъ сознательно высшее передъ собою образованіе. вмѣстѣ съ тѣмъ они высоко цѣнили его практическія свѣдѣнія ихъ быта, знаніе ихъ нуждъ и потребностей и умѣнье всѣхъ работъ, составляющихъ задачу крестьянской жизни. И отецъ гордился этимъ послѣднимъ качествомъ. Я помню, какъ говаривалъ онъ не разъ, что онъ дворянинъ съ дворяниномъ и мужикъ съ крестьяниномъ, что умѣетъ насадить соху, выковать собственными руками подкову и что любому крестьянину умѣетъ указать его дѣло. „Вотъ почему, прибавлялъ онъ, меня нелегко обмануть работами“.

При такихъ отношеніяхъ понятно, что связь помѣщика съ крестьянами была прочна, потому что основывалась на сознательномъ уваженіи и привязанности. Образъ жизни и нравы помѣщика, отличаясь болѣе просвѣщенными потребностями, въ сущности были тѣ же съ крестьянами: по крайней мѣрѣ все, что было свято въ глазахъ сихъ послѣднихъ, не менѣе уважалось и помѣщикомъ. Они постились въ одни и тѣ же дни, вмѣстѣ ходили въ церковь, праздновали тѣ же праздники.

Чтобы указать на практическіе результаты такого порядка вещей, скажу только, что въ нашей деревнѣ бывають ярмарки и еженедѣльные базары и что пріѣзжающіе торговцы, до открытія рынка. т. е. до

сѣзда жителей окрестныхъ селеній, никогда не ставили сторожей у своихъ воевъ и лавокъ. *Это фактъ.*

Привязанность къ намъ крестьянъ нашихъ была искренна.

Доселѣ все въ нашемъ домѣ жило стариною Екатерининскою. Всѣ посѣтители наши принадлежали къ ея вѣку, и слѣдовательно возрѣнія немногимъ отличались между собою, а нравы и образъ жизни рѣшительно были одинаковы. Но вотъ явилось между нами новое лицо. представитель современныхъ нравовъ и понятій столицы. Это былъ родственникъ нашъ Онъ только что вышелъ въ отставку изъ гвардіи, женился и поселился въ своемъ имѣніи, въ 7-ми верстахъ отъ насъ.

Меня, какъ ребенка, болѣе всего поразилъ его столичный костюмъ и тщательно выстриженные бакенбарды, имѣвшіе форму обращеннаго внизъ Г и оканчивающіеся у самаго рта: въ женѣ его я болѣе всего замѣтилъ ея живые глаза, которые ни разу не останавливались на одномъ предметѣ, безпрестанно перебѣгая ихъ: такихъ глазъ я еще не видывалъ съ роду.

Они были самыми частыми нашими посѣтителями. Онъ уважалъ въ отцѣ моемъ его просвѣщенные взгляды, его опытность, высокую честность и чистоту понятій о честности дворянина; а отецъ взаимно цѣнилъ въ немъ успѣхи современнаго просвѣщенія, новыя свѣдѣнія и свѣтлость. Ребенокъ, я не понималъ ихъ разговоровъ, но помню, что между ними нерѣдко бывали жаркіе споры *).

*

Наконецъ наступилъ грозный 1812 годъ, который доказалъ непобѣдимую силу народнаго нашего духа, столь твердо привязаннаго къ Церкви, Царю и Отечеству. Мы часто повторяемъ эти слова, сдѣлавшіяся какъ бы девизомъ нашимъ, но, чтобы понять смыслъ ихъ, надобно обратиться къ этому году, когда народъ, никогда не произносящій ихъ, мгновенно созналъ въ себѣ ихъ присутствіе, и не словами, а дѣломъ воплотилъ въ себѣ ихъ значеніе. Дорожа ими, я желалъ бы, чтобы ихъ съ большею разборчивостью употребляли, не только въ журналахъ и газетахъ, но даже въ самыхъ актахъ: ихъ должно беречь на случай и не произносить всуе.

Я помню этотъ годъ. Я помню, какъ всѣ сословія заодно спѣшили на помощь Отечеству, какъ любовь къ нему выражалась всеобщеею

*) Къ сожалѣнію, разсказъ не доконченъ. П. Б.

ненавистью, которая сдѣлала войну 1812 года вполнѣ войною народною, созданною всѣми и каждымъ. Мы, дѣти, не понимая еще, что значитъ Отечество, увлекаемые старшими, примѣромъ старшихъ, были уже проникнуты ненавистью къ Наполеону, и не разъ въ младенческихъ моихъ снахъ мнѣ грезилось, что я убилъ его. Еще не зная порядочно различія между жизнью и смертью, я уже мечталъ объ убійствѣ!

По манифесту Государя, призывавшаго подданныхъ на отраженіе врага, всѣ спѣшили или нести собственную жизнь для спасенія Отечества, или жертвовать имуществомъ и деньгами. Многіе изъ нашихъ людей охотно просились у отца въ ратники и, не смотря на то, что они были нужны для дома, онъ никому не отказывалъ въ дозволеніи.

Между тѣмъ газеты и изустные рассказы извѣщали насъ о безпрестанномъ приближеніи непріятеля къ сердцу Россіи: наконецъ пришло извѣстіе о сдачѣ Москвы и о выѣздѣ оттуда ея жителей. Не буду описывать унынія, въ какое эти вѣсти повергали наше общество: я еще не понималъ его. Скажу только, что и мы, по примѣру другихъ сосѣдей, рѣшились уѣхать изъ нашей деревни въ дальнѣйшую глубь Россіи. Мѣстомъ пребыванія мы выбрали.....*). Тамъ жила родная сестра моего отца, съ которою онъ давно не видался и по нѣкоторымъ семейнымъ непріятностямъ не былъ въ перепискѣ. Сколько теперь могу судить, кажется, что выборъ этого города для бѣгства отъ Французовъ былъ только предлогомъ для свиданія съ сестрою.

Какъ бы то ни было, сборы начались. Нѣсколько каретъ, колясокъ, брички, кибитки, фургоны и даже дрожки были запряжены, и мы отправились не только всѣмъ нашимъ семействомъ, но можно сказать всѣмъ нашимъ домомъ, потому что съ нами были воза вещей и вся домашняя безчисленная прислуга.

При выѣздѣ изъ села насъ провожала толпа крестьянъ, мужиковъ, бабъ и дѣтей, и все это плакало: провожали какъ будто на вѣки.

Ѣхали мы медленно и, если память не измѣняетъ мнѣ, не ближе, какъ черезъ недѣлю пріѣхали мы въ село К., принадлежавшее нашимъ родственникамъ..... и лежавшее верстахъ въ 100 отъ насъ. Здѣсь мы остановились погостить и... прожили нѣсколько мѣсяцевъ, такъ что въ теченіи этого времени непріятель оставилъ Москву и началъ ретироваться къ границамъ Имперіи, а мы, видя удалившуюся опасность, возвратились во свояси.

*) Здѣсь и въ другихъ мѣстахъ не обозначены собственные имена какъ мѣстныя, такъ и личныя. П. Б.

И такъ вотъ замѣчательное бѣгство отъ непріятеля, бывшаго отъ насъ въ 300 верстахъ, бѣгство на 100 версть далѣе. Я бы не упомянулъ объ этомъ, если бы мы одни принимали такую мѣру предосторожности, но почти всѣ наши сосѣди дѣлали тоже.

Съ этого времени мы постоянно жили въ деревнѣ до 1820 года. Всѣ путешествія наши въ теченіи 8 лѣтъ ограничивались посѣщеніями сосѣдей, поѣздками на Лебедянскую ярмарку и въ Задонскій монастырь, куда отецъ мой ѣздилъ ежегодно со всѣмъ семействомъ на могилу своего брата.

*

По возвращеніи изъ нашего бѣгства курсъ моего воспитанія нѣсколько расширился. Я забылъ сказать, что до отъѣзда нашего въ К. къ намъ поступилъ танцовальный учитель В. Л..... Онъ нѣкогда былъ пажемъ при дворѣ Станислава-Августа, потомъ во время Варшавской революціи уѣхалъ въ Львовъ и оттуда въ Вѣну. Истощивъ всѣ средства къ жизни, онъ съ трудомъ перебрался въ Москву, гдѣ предпринялъ преподаваніе танцовальнаго искусства. Поприще артиста ему благопріятствовало, но онъ оставилъ Москву, гдѣ уроки по билетамъ не представляли того обезпеченія, котораго онъ желалъ; онъ предпочелъ образовывать юные таланты нашихъ деревенскихъ дворянъ. Такимъ образомъ онъ поступилъ за возвышенную плату въ домъ одного изъ сосѣднихъ намъ помѣщиковъ, гдѣ, кончивъ „выучку“, перешелъ къ другому. Курсъ его танцовальныхъ классовъ ограничивался обыкновенно тремя мѣсяцами. Къ намъ поступилъ онъ, помнится, отъ В.

Независимо отъ танцевъ, онъ училъ насъ географіи, исторіи, ариѳметикѣ, музыкѣ и Французскому языку. Нравственный характеръ его былъ чрезвычайно замѣчателенъ; я въ жизни не встрѣчалъ чловѣка честнѣе, добрѣе и уживчивѣе его. Но познанія его во Французскомъ языкѣ далеко не были такъ совершенны, какъ его нравственность. Вообще языковѣдѣніе ему не далось. Въ деревнѣ у насъ, гдѣ, пріѣхавъ на три мѣсяца, онъ прожилъ болѣе 30 лѣтъ, онъ разучился по французски и по нѣмецки, забылъ по польски и не выучился по русски. Языкъ, которымъ говорилъ онъ, была какая-то чудная смѣсь этихъ всѣхъ нарѣчій съ сильнымъ акцентомъ Польскаго: мы называли это: говорить „по ски“. Привязанность его къ нашему семейству была выше всякаго описанія. Онъ умеръ въ нашей деревнѣ, присоединившись къ нашей Церкви и, оставя по себѣ дочь, которая, безъ сомнѣнія, не покинетъ также праха своего отца.

Самая веселая эпоха нашей деревенской жизни была (Лебедянская) ярмарка. Нынѣ, когда, съ успѣхами нашей торговли въ городахъ, всѣ ярмарки вообще упадаютъ, уже непонятно то удовольствіе, тотъ праздничный видъ, который принимали уѣздные жители во время ближайшей ярмарки. Въ (Лебедяни) существовало тогда, какъ и теперь, четыре ярмарки въ году, но только двѣ изъ нихъ привлекали особенное стеченіе помѣщиковъ: Троицкая и Покровская; остальные двѣ, бывающія зимою, посѣщаются только торговцами. Троицкая и Покровская ярмарки составляли двѣ эпохи въ году нашего края. Отъ нихъ считалось время или опредѣлялись сроки, на нихъ разрѣшались важныя недоумѣнія. „Это было передъ или вскорѣ послѣ ярмарки“, говорилъ помѣщикъ, рассказывая о какомъ нибудь происшествіи. Крестьянинъ просилъ денегъ въ ссуду до Покровской ярмарки. Въ случаѣ спора о какомъ либо головномъ уборѣ или вообще о модѣ, уѣздная щеголиха съ самоудовольствомъ говорила: „ярмарка все скажетъ“.

По прїездѣ въ (Лебедянь) мы обыкновенно останавливались въ монастырской слободѣ. Тамъ одна крестьянская изба составляла нашъ салонъ, а другая служила помѣщеніемъ для прислуги. Переодѣвшись съ дороги и принарядясь, мы отправились на ярмарку „въ ряды“. Хотя разстояніе отъ нашей квартиры до этого форума было не болѣе $\frac{1}{4}$ версты, но дойти туда пѣшкомъ не было никакой возможности по причинѣ грязи, которая, взмѣшиваемая смѣлыми ногами безчисленнаго множества окрестныхъ крестьянъ и городскихъ жителей, была буквально по колѣно. Вокругъ рядовъ, центра торговли предметами роскоши и высшихъ потребностей, стояло множество телѣгъ, повозокъ, шатровъ, шалашей и балагановъ: здѣсь продавались лошади, деготь, духи, колеса, мелкіе крестьянскіе товары, съѣстные припасы и разныя простонародныя лакомства. Шумъ, крикъ, движеніе толпы были непрерывны. На ближнемъ лугу скакали лошади, которыхъ пробовали покупатели, и располагался таборъ кочующихъ Цыганъ, непремѣнныхъ участниковъ и экспертовъ въ лошадиной торговлѣ. Вся эта разнообразная, живая картина возвышалась характерическими фізіономіями Цыганъ, живописно-грязными костюмами женщинъ и живою дикостію полунагихъ дѣтей ихъ.

Мы подъѣзжали къ „рядамъ“. Такъ назывался параллелограмъ въ нѣсколько улицъ изъ плетневыхъ шалашей, съ навѣсами изъ драни. Обѣ противоположныя стороны, соприкасаясь навѣсами, составляли крытую галерею или пассажъ, освѣщаемый частію со стороны входа, а частію щелями неплотно лежавшихъ драницъ. Въ этомъ полусвѣтѣ

медленно двигалась пестрая толпа или озабоченных покупателей, или только праздных зрителей. Все были одеты по праздничному, и лица всех выражали праздничное удовольствие. Не редко встрѣчалось тамъ или миловидное личико уѣздной барышни, дышавшее свѣжестью и простотою деревни, или болѣе претензливое лицо городской красавицы, отягченной всею роскошью провинціальной моды, а солнечный лучъ, внезапно ворвавшись въ одну изъ щелей крыши, ярко освѣщаль ихъ на темномъ, подвижномъ грунтѣ толпы.

Все эти шалаши, о которыхъ упомянулъ я, были красиво одеты цвѣтными тканями, а раздѣляющіе ихъ столбы обернуты пестрыми обоями, столь яркими и безобразными, что въ настоящее время такихъ уже не найдете даже на постоянныхъ крестьянскихъ дворахъ. Ряды обыкновенно начинались двумя лавками часовщиковъ, которыхъ главное занятіе было не въ торговлѣ, а въ поправкѣ и регулированіи всехъ часовъ 5 или 6 окрестныхъ уѣздовъ, которые только вскорѣ послѣ ярмарки имѣли утѣшительную увѣренность знать время по часамъ. За ними слѣдовали Тульскія лавки, блестяція своими саблями, ружьями, самоварами и т. п. Послѣ нихъ начались и „красные товары“. Здѣсь обыкновенно бывала толпа. Все дамы, сопровождаемая услужливыми кавалерами, запасались тутъ нарядами и новостями. Здѣсь совершались торговые расчеты помѣщиковъ съ купцами; всевозможныя сплетни. далѣе новыя знакомства и даже сватовства; здѣсь все носило иной характеръ, нежели въ прочихъ рядахъ ярмарки: костюмы были изысканнѣе, покупатели говорливѣе, рѣчи живѣе, лица одушевленнѣе. даже самый грунтъ земли былъ болѣе твердый. Грязь, покрывавшая все другіе ряды, здѣсь утаптывалась и доставляла ногамъ пріятное ощущеніе мягкаго ковра.

Ряды посѣщались утромъ и послѣ обѣда. Въ часъ по полудни они были почти пусты. Мужчины утромъ отправлялись на бѣгъ, а вечеромъ въ трактиръ Пиватто, гдѣ, кромѣ попойки и довольно буйныхъ сценъ, была открытая игра въ карты. Разумѣется, что я знаю это только по наслышкѣ: отецъ мой никогда не посѣщаль этого „заведенія“, а еще менѣе могъ быть тамъ я, ребенокъ. За то вечеромъ мы отправлялись въ театръ. Не буду описывать этого спектакля, помѣщавшагося въ плетневомъ сараѣ и освѣщеннаго салными свѣчами. утвержденными въ двѣ крестообразно сложенные дощечки, привѣшенныя къ верхнимъ балкамъ. О немъ можно судить по тѣмъ представленіямъ, какія и теперь даются странствующими артистами. Скажу только, что публика была совершенно довольна.

Мы возвращались съ ярмарки съ полнымъ запасомъ всѣхъ домашнихъ потребностей и съ игрушками и подарками, которыя мы, дѣти, получали въ (Лебедяни). Я и теперь помню тотъ маленькій краснаго сафьяна альбомчикъ, который такимъ образомъ я получилъ отъ отца и въ которомъ первая написала мнѣ мать. Вотъ слова ея: „Люби Бога, вѣренъ будь Царю, люби дружески родителей, старшихъ почитай, ко всякому будь ласковъ, къ подданнымъ милостивъ: вотъ тебѣ мое наставленіе“. За этимъ слѣдовало рукою отца: „И мое подтвержденіе“. Это краткое наставленіе заключаетъ въ себѣ всю философію Русской жизни того времени.

Деревенская жизнь наша, сама по себѣ тихая и единообразная. оживлялась однакоже тою народною жизнію, которая съ чудной силой развивалась въ преслѣдованіи непріятели изъ Москвы и на пути этомъ оставляла вѣковые памятники въ Бородинѣ, въ Маломъ Ярославцѣ, Красномъ и др. Мимо насъ ежедневно проходили войска съ южныхъ и восточныхъ границъ Имперіи; казаки, Калмыки, Башкиры попеременно квартировали въ нашей деревнѣ. За столомъ нашимъ ежедневно обѣдали офицеры этихъ войскъ, и вечера проводили въ нашемъ домѣ. Скоро вмѣсто нашихъ войскъ стали показываться у насъ партіи плѣнныхъ. Одна изъ нихъ была расположена въ нашемъ уѣздѣ и помѣщики наши разобрали плѣнныхъ Французскихъ офицеровъ къ себѣ. Отецъ мой взялъ пѣхотнаго поручика Р. Я помню этого полунагого, покрытаго лохмотьями Француза, котораго отецъ одѣлъ съ ногъ до головы и принялъ въ свое семейство какъ друга. Я помню, какъ отецъ внушалъ намъ, дѣтямъ, беспощадную вражду къ врагамъ Отечества, когда они встрѣтятся съ оружіемъ въ рукахъ, и Христіанскую любовь къ человѣку, котораго жребій войны поставилъ внѣ возможности вредить намъ. Въ этомъ заключается та высокая философія, истекающая изъ глубоко-религіознаго начала, которою проникнута Россія; и такъ дѣйствовалъ не одинъ мой отецъ, но всѣ окрестные помѣщики. и имъ сочувствовалъ нашъ добрый, умный народъ.

Поселившіеся у насъ Французы скоро поняли нашъ образъ жизни, наши нравы и такъ свыклись съ нами, что образовавшаяся тогда связь, основанная съ одной стороны на истомъ Русскомъ гостепріимствѣ, а съ другой на благодарности, прочно укрѣпилась въ душахъ. Въ доказательство скажу только, что я и донинѣ въ перепискѣ съ Р., который живетъ теперь въ небольшомъ своемъ помѣстьѣ близъ Лангедока.

Между тѣмъ партіи плѣнныхъ проходили мимо насъ и чаще, и многочисленнѣе. Отецъ кормилъ ихъ на нашемъ дворѣ, а офицеры

угощались въ домѣ. Итальянцевъ и Нѣмцевъ угощаль нашъ Рижскій М., Поляковъ—танцмейстеръ, а Французовъ—P. Suum cuique. Крестьяне, и наши, и окрестные, смотрѣли на это безъ всякаго чувства злобы и, хотя признавали ихъ „нехристями“, но сочувствовали ихъ бѣдствіямъ и оправдывали тѣмъ, что „они люди невольные: не сами пришли, Бонапартъ привелъ“, и все чувство любви къ родинѣ и всю ненависть къ врагу сосредоточивали на этомъ ненавистномъ имени.

Такъ какъ главная цѣль этой автобіографіи есть описаніе тогдашнихъ деревенскихъ нравовъ, то я начерчу вкратцѣ образъ препровожденія времени. Утро посвящалось отцемъ моимъ сельскому хозяйству и чтенію. Обѣдали въ 3 часа, послѣ обѣда отецъ отдыхалъ. Черезъ два часа онъ или отправлялся на дрожкахъ въ поле, или ходилъ по саду. Зимой игрывалъ на билиардѣ или въ шашки; карты были въ употребленіи рѣдко. Ужинали часовъ въ 10 или 11. За столомъ сидѣли долго, потому что отецъ любилъ послѣ ужина, не вставая изъ за стола, бесѣдовать о разныхъ предметахъ. Мы, дѣти, не смѣли дремать и нехотя вслушивались въ разговоры. Осенью иногда, хотя очень рѣдко, ѣзжали на охоту, для которой держали собакъ, по большей части служившихъ къ увеселенію нашей дворни.

Праздничные дни отличались тѣмъ, что съ вечера служили въ домѣ всенощную, а на другой день ходили къ обѣднѣ, гдѣ были все крестьяне, мужчины и женщины. Послѣ обѣда священникъ и причетъ приходили къ намъ; вступая на „барскій дворъ“, они снимали шляпу и, не смотря ни на какую погоду, приходили въ домъ съ открытыми головами.

Годовые храмовые праздники однакоже имѣли еще и другое, болѣе торжественное отличіе. Съ вечера съѣзжались, во первыхъ, купцы и торговцы на ярмарку и открывали торгъ, называемый „подторжьемъ“. Потомъ пріѣзжали гости тѣ, которые или по родству, или по другимъ тѣснѣйшимъ связямъ, безъ церемоніи располагались ночевать у насъ, и изъ города соборный священникъ. Онъ долженъ былъ совершить крестный ходъ изъ церкви къ намъ, принести мѣстный образъ и совершить всенощную. На другой день крестный ходъ возвращался въ церковь, и пріѣзжали изъ города протопопъ и строитель мѣстнаго монастыря. Они соборомъ совершали литургію, послѣ которой непрерывно пріѣзжали гости до самаго обѣда. Вечеромъ бывалъ балъ. Рѣдкіе изъ гостей возвращались домой на другой день; большая часть съ людьми и лошадьми оставалась у насъ по недѣлѣ и болѣе.

Домашнее занятіе моей матери было въ надзорѣ за дѣтьми; въ управленіи домою, въ вышиваніи. Пяльцы не заключали тогда ни модныхъ прошивокъ, ни узорчатыхъ подушекъ и т. п.; въ нихъ обыкновенно впяливались атласныя или гродетуровыя ткани, по которымъ золотомъ, блестками и стеклярусами вышивались церковныя облаченія, воздуха и пелены. Наша деревенская церковь донинѣ хранитъ въ своей ризницѣ немало облаченій, вышитыхъ руками моей матери, моихъ тетокъ и бабушекъ.

Я выше упомянулъ о поѣздкахъ нашихъ въ Задонскъ. Онѣ обыкновенно совершались лѣтомъ. За недѣлю до выѣзда готовились экипажъ, а дня за два ихъ подвозили къ дому и начинали укладываться. Поѣздка почти на сто верстъ казалась столь далекою, что требовала немало хлопотъ и приготовленій. Прежде всего отправлялись кухня и палатка. Потомъ выѣзжали всѣ. Шли двѣ четверомѣстныя кареты, двѣ коляски, бричка, повозка и наконецъ дрожки. Эти послѣднія служили для перѣзда черезъ опасныя мосты, спуски съ горъ и т. п., когда грязь препятствовала это дѣлать пѣшкомъ.

Дорогою ѣхали не торопясь. Когда путь лежалъ подъ изволокъ, лошадей пускали небольшою рысью; но если дорога хоть чуть поднималась въ гору, мы ѣхали непремѣнно шагомъ. При проѣздѣ черезъ лѣса намъ позволяли выйти изъ кареты и, идя пѣшкомъ, заниматься собираніемъ по дорогѣ цвѣтовъ и ягодъ.

Когда пріѣзжали на станцію, насъ ожидалъ уже обѣдъ или ужинъ, смотря по времени, въ какое мы останавливались, въ раскинутой за селеніемъ палаткѣ съ накрытымъ столомъ и скамьями. Вокругъ помѣщались экипажи, служившіе намъ спальнею, а лошадей отводили на постоянный дворъ. Нерѣдко, если мѣстоположеніе было живописно и нравилось отцу, мы оставались ночевать тамъ, гдѣ обѣдали и даже обѣдали тамъ и выѣзжали уже на другой день, чтобы ночевать на слѣдующей станціи. Такимъ образомъ не удивительно, что путешествіе наше до Задонска продолжалось не менѣе недѣли. Послѣдняя остановка къ монастырю всегда была въ селѣ Кожинѣ, за 7 верстъ отъ Задонска. Тутъ мы ночевали и на другой день, какъ ни торопились, чтобы выѣхать до жаровъ, никогда не выѣзжали прежде 10 часовъ утра. Эти 7 верстъ мы дѣлали пѣшкомъ, по песчаной дорогѣ, идущей вдоль Дона, который опушенный зелеными кустами раkitника, вился голубою лентою по песчаному ложу и холоднымъ дыханіемъ влажной груди освѣжалъ начинавшій раскаляться воздухъ. Не должно думать, чтобы это пѣшее путешествіе совершалось изъ благочестивыхъ побужденій; мы не са-

дѣлись въ экипажи изъ опасности, которая представлялась намъ при ѣздѣ близъ крутоватаго берега Дона, отъ дороги саженьхъ въ двадцати.

Приблизясь къ городу, мы обыкновенно отдыхали у больницы, выстроенной при колодезѣ, ископанномъ руками преосвященнаго Тихона, епископа Воронежскаго и Елецкаго. Отсюда мы сѣли въ кареты и отправлялись въ монастырь.

Здѣсь помѣщались мы въ гостинницѣ, устроенной внутри самого монастыря и жили обыкновенно недѣлю. Въ теченіи этого времени мы вели совершенно монастырскую жизнь, присутствуя при всѣхъ богослуженіяхъ и сверхъ того нерѣдко заказывая особенныя молебны и всенощныя. Непремѣннымъ долгомъ отецъ считалъ отслужить панихиды по преосвященномъ Тихонѣ, схимонахѣ Митрофанѣ и на могилѣ своего брата.

Задонскій монастырь пользуется особымъ уваженіемъ въ краѣ. Въ немъ жилъ на покоѣ и скончался преосвященный Тихонъ, извѣстный своими богословскими и въ особенности нравственно-христіанскими сочиненіями: онъ еще болѣе чѣмъ книгами назидалъ братію и окрестныхъ жителей практическимъ примѣромъ благочестивой и подвижнической жизни. Онъ погребенъ въ склепѣ подъ соборною церковью, въ особой палаткѣ, и могила его доселѣ посѣщается многочисленными его почитателями.

Когда мы пріѣзжали въ монастырь, то обыкновенно находили небольшой дворъ его, застроенный надгробными памятниками, наполненнымъ усердными богомольцами, пришедшими изъ разныхъ мѣстъ отдать долгъ уваженія памяти всеми чтимаго архипастыря. Между ними бывало множество больныхъ и бѣснующихся, по большей части женщинъ: первыя со смиренною вѣрою притекали къ усердной молитвѣ; вторыя, въ ужасныхъ конвульсіяхъ, оглашали воздухъ пронзительными криками. И все это происходило между могилъ, окружающихъ входъ въ палатку преосвященнаго Тихона, куда влекли ихъ для заклинаній. Въ палаткѣ, находящейся подъ церковью и слабо освѣщаемой свѣтомъ изъ небольшихъ оконъ и отъ свѣчъ, теплящихся передъ образами, находится гробъ преосвященнаго. На каменномъ саркофагѣ его лежитъ серебряная вызолоченная доска съ рельефнымъ во весь ростъ изображеніемъ усопшаго. При невѣрномъ мерцаніи свѣта, при переливахъ кадиладнаго дыма едва можно было видѣть престарѣлаго монаха, съ епитрахилью

на груди, однозвучнымъ голосомъ читавшаго заклиательныя молитвы; передъ нимъ стояла, преклонясь, бѣснующая, удерживаемая нѣсколькими человѣками, и по временамъ пронзительно кричала. Все это такъ сильно поражало меня, что я и теперь какъ будто вижу эту картину.

Между иноками монастыря были тогда многіе благочестивые подвижники, память которыхъ нынѣ всѣми уважается, и еще жили люди, лично знавшіе епископа Тихона. Между первыми были схимонахъ Агапить, затворническимъ житіемъ и строгимъ иноческимъ подвигомъ стяжавшій и при жизни всеобщее уваженіе, и Георгій, тогда еще юный послушникъ. въ послѣдствіи строгій затворникъ и подвижникъ, а по смерти украшеніе и честь Задонскаго монастыря. Благочестивая жизнь и нравственные афоризмы его извѣстны многочисленнымъ почитателямъ его памяти, изъ особо изданной о немъ книжки. Я видѣлъ его лично. Въ мое время онъ только что вступилъ въ монастырь. Онъ былъ молодой человѣкъ средняго роста и имѣлъ правильныя черты лица. Физиономія его выражала глубокое смиреніе и грусть, а блѣдное лицо только что начинало обростать запущенною русою бородою и длиняющимися волосами. Въ это время онъ несъ послушаніе промѣна свѣчъ и тогда уже, при самомъ началѣ подвига своего, обрекъ себя на молчаніе. Мы особенно были знакомы съ Пикандромъ Алексѣевичемъ Бехтѣевымъ, который былъ друженъ съ преосвященнымъ Тихономъ и послѣ кончины не хотѣлъ разстаться съ могилою праведника. Онъ оставилъ міръ и „вся яже въ мірѣ“ и навсегда поселился въ монастырь, на стражѣ святаго своего друга, не произнося впрочемъ монашескихъ обѣтовъ. Теперь около 30 лѣтъ, что и его уже нѣтъ на свѣтѣ, и тѣло его покоится въ этомъ же монастырѣ.

Время между монастырскихъ богослуженій посвящалось на посѣщеніе этихъ почтенныхъ старцевъ и на пріемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ у себя. За два дня до нашего отъѣзда отецъ обыкновенно давалъ обѣдъ, на который приглашалъ архимандрита, казначея и другихъ соборныхъ старцевъ; а на другой день дѣлалось такое же угощеніе всей братіи манатейной и рясофорной. На послѣдокъ, одѣливъ ихъ по древнему Русскому обычаю милостынею, мы выѣзжали изъ Задонска и черезъ недѣлю были дома.

Въ началѣ этой автобіографіи я сказалъ, что сношенія отца моего съ своими людьми были чисто-патріархальными. Такъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ крестьянской жизни мы принимали непремѣнное участіе. Родится ли у крестьянина ребенокъ, восприемниками бывалъ кто либо

изъ насъ. Случалась ли свадьба, мы должны были посѣтить дѣвишникъ: такъ называется вечеринка наканунѣ свадьбы, которую невеста даетъ своимъ бывшимъ подругамъ. Наброшу краткій очеркъ этого обряда. Въ избѣ у невесты накрывался большой столъ, на которомъ ставили разныя заѣдки, пряники, кренделя, орѣхи. Въ переднемъ мѣстѣ на коникѣ садились обрученные; подлѣ нихъ на лавкѣ мой отецъ, мать и всѣ мы. Пока намъ подносили домашнее пиво (брагу), подруги невесты, помѣщавшіяся въ углу избы, на кѹтникѣ, громкимъ голосомъ пѣли свадебныя пѣсни, въ коихъ поименно величали то жениха и невесту, то насъ, по очереди начиная со старшихъ. Послѣ каждой пѣсни тотъ изъ насъ, въ честь котораго она пѣлась, дарилъ пѣвицѣ деньгами. Между тѣмъ мы должны были непременно хотъ отвѣдать пива, ибо отказъ принимался за обиду. При этомъ обыкновенно замѣчалось, что пиво или горько, или кисло. и всякій разъ женихъ услаждалъ его поцѣлуемъ невесты, которая краснѣла, и я помню, что, дѣлая эти „непременныя“ замѣчанія, я краснѣлъ въ свою очередь, потому что мнѣ казалось, что я былъ причиною ея замѣшательства.

На другой день послѣ свадьбы молодые являлись къ намъ „на поклонъ“ и приносили „дары“. Дружка (шаферъ) снова потчивалъ пивомъ, причемъ повторялись опять тѣже замѣчанія, а новобрачная подносила каждому „ширинку“, т. е. полотенце изъ домашняго полотна, обшитое по концамъ краснымъ кумачемъ и кружевомъ изъ бѣлыхъ нитокъ и разноцвѣтнаго шелка. Эти ширинки приготавливаются крестьянками до замужества и, свидѣтельствуя о „досужествѣ“ невесты, составляютъ главную статью приданаго, потому что, подносимыя въ даръ, онѣ обращаются въ наличныя деньги, которыми обыкновенно „отдариваютъ“ молодую.

Говоря объ этихъ деревенскихъ обычаяхъ, я не могу не упомянуть о „проценомъ днѣ“: такъ называется Воскресенье наканунѣ Великаго поста. Въ этотъ день послѣ обѣдни обыкновенно приходили къ отцу *всѣ* хозяева крестьянскихъ домовъ „проститься“ передъ постомъ. Вступая въ недѣлю покаянія и готовясь говѣть, они просили прощенія въ невольныхъ или умысленныхъ проступкахъ. Отецъ цѣловался съ каждымъ и взаимно просилъ прощенія у нихъ. Сознавая, что это былъ только обычай, изстари у насъ укоренившійся, я долженъ однакоже сказать, что со стороны отца въ этотъ день отпускались дѣйствительныя проступки крестьянъ и прощались нѣкоторыя вины; въ этомъ-то, по мнѣнію моему, заключается та добрая практическая сторона, которую завѣщали намъ предки въ своихъ преданіяхъ. Великій постъ и начи-

нался, и оканчивался взаимнымъ привѣтствіемъ: цѣловались при „процаньи“, и цѣловались при „христосованіи“ въ день Пасхи. Оба эти обычая ведутъ начало свое изъ самой глубокой христіанской древности, когда цѣлованіе мира (*osculum pacis*), нынѣ сохранившееся лишь при церковныхъ обрядахъ, было во всеобщемъ употребленіи между Христіанами.

Между тѣмъ старшій изъ моихъ братьевъ кончилъ курсъ домашняго воспитанія и приготовлялся поступить на службу. Родители мои, никогда еще не разлучавшіеся съ нами, долго готовились къ этой жертвѣ, чувствительной для ихъ сердца. Братъ долженъ былъ вступить въ военную службу: о статской, какъ несогласной съ достоинствомъ дворянина, никому изъ насъ не могло даже придти въ голову. Все было готово къ отъѣзду. Отслужили напутный молебенъ, снабдили брата письмами къ Московскимъ родственникамъ и отправили въ Москву для поступленія въ Апшеронскій пѣхотный полкъ, бригаднымъ командиромъ котораго былъ родственникъ нашъ генералъ Ш.; ему порученъ былъ надзоръ за нравственнымъ поведеніемъ брата.

Мое воспитаніе продолжалось дома. Мнѣ было тогда 14 лѣтъ и хотя и умѣлъ читать по французски и по нѣмецки, но не понималъ на нихъ ни одного слова. За то я прочелъ весь кругъ церковныхъ книгъ, коротко былъ знакомъ съ прологами, синаксарями, чети-минееми: зналъ Славянскіе переводы Златоуста, Василия Великаго, Ефрема Сирина, Макарія Египетскаго, Лѣтвничника и другихъ великихъ свѣтилъ нашей церкви. Церковно-славянскій языкъ знакомъ мнѣ былъ въ совершенствѣ, а уставъ богослуженій и чинъ церковный я зналъ не хуже дьячка. Такимъ образомъ самое первоначальное воспитаніе мое было чисто-народное. Знакомы мнѣ были авторитеты нравственной жизни народа, а практическую его жизнь я видѣлъ ежедневно.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ братъ пріѣхалъ къ намъ въ отпускъ. Не буду описывать общей радости: мы на него не могли наглядѣться. Вскорѣ послѣ пріѣхали къ намъ изъ Москвы двое изъ нашихъ двоюродныхъ братьевъ, которые, подружась съ братомъ въ Москвѣ, черезъ него хотѣли познакомиться съ дядею.

Это были молодые люди. Одинъ только что вышедшій въ отставку изъ военной службы, а другой недавно женившійся и бывшій тогда камеръ-юнкеромъ. Оба они были красивой наружности и носили щегольское платье, какого мы до того времени не видывали. На одномъ былъ

свѣтло-голубого цвѣта фракъ, съ перламутровыми, украшенными бронзою, пуговицами, планшевые панталоны въ сапоги à l'écuycère, а другой, при зеленомъ съ искорками фракъ, носилъ бѣлые панталоны и цвѣтной галстукъ. Я полюбилъ ихъ отъ всей души, и они были чрезвычайно ласковы; но меня крайне конфузили ихъ Французскія фразы.

Пріѣздъ ихъ къ намъ произвелъ важную переѣмну въ нашей жизни. Они уговорили оставить деревню и поселиться въ Москвѣ. Старикъ никогда бы не согласился разстаться съ деревнею, гдѣ провелъ столько счастливыхъ годовъ, если бы не нѣжность къ старшему моему брату. Чтобы не разставаться съ нимъ, онъ рѣшился ѣхать въ Москву. Для насъ это была чрезвычайная радость.

Этимъ заключаю я первый періодъ моего жизнеописанія. Періодъ жизни деревенской, чуждой столичнаго шума и развлеченій и тѣсно связанной съ народными нашими элементами. Читатель (если читатель найдется) замѣтитъ изъ этого краткаго и бѣглаго очерка описанной мною эпохи, что въ ней совершился окончательный переходъ отъ правовъ старинной Русской жизни къ нововведеннымъ обычаямъ общевропейскимъ. Весь образъ жизни нашего семейства, наши занятія, наши привычки истекали изъ древне-Русской жизни и, быть можетъ, достигали Руси даже до-Петровской; ей приписываю я ту церковную привязанность, которою была запечатлѣна жизнь моего отца и тѣ связи, которыя существовали у него съ крестьянами; къ ней же отношу и женскія руководія матери. Вышиваніе подушекъ и картинъ, которыми иногда занимаются нынѣ наши дамы, пришло къ намъ изъ чужбины: это доказываютъ даже ихъ узоры, получаемые изъ Берлина; но вышиваніе церковныхъ облаченій было любимымъ занятіемъ нашихъ великихъ княгинь и княженъ, начиная съ самаго перваго періода и до царевны Софіи. Всѣ эти мелочи, нынѣ уже не существующія, я нахожу не совершенно лишними занимательности, тѣмъ болѣе, что онѣ уже часъ отъ часа изглаживаются изъ памяти.

Когда мы взглянемъ на состояніе современнаго нашего общества, на постепенную потерю оригинальнаго характера, который оно должно же имѣть отъ своей народности, мы поневолѣ сознаемся, что, не смотря на постоянныя завоеванія, которыми со времени Петра Великаго Россія увеличилась на 75 т. кв. миль въ своемъ пространствѣ, она не менѣе постоянно завоевывалась Нѣмецкими нравами и понятіями, которыя стремились къ намъ съ Запада. Сожалѣя о потерѣ нашимъ обществомъ

національного свого типа, я отнюдь не объявляю себя врагомъ успѣха; напротивъ, я радуюсь, если мы усвоимъ себѣ плоды современной науки, потому что наука и просвѣщеніе принадлежатъ всему человѣчеству. Заимствуйте все полезное, все общечеловѣческое, начиная отъ желѣзныхъ дорогъ до Гамбсовскаго кресла; но не принимайте ничего Нѣмецкаго, Французскаго или Англійскаго только потому, что оно Англійское, Французское или Нѣмецкое: оно именно хорошо исключительно для каждаго изъ этихъ народовъ отдѣльно, а можетъ быть вредно или непригодно для другихъ.

Мнѣ было лестно и отиѣнно пріятно познакомиться съ графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ Толстымъ. Старикомъ онъ жилъ въ Троицко-Сергіевой лаврѣ, въ нѣсколькихъ комнатахъ старой монастырской гостинницы, съ достойнѣйшею супругою своею и мальчикомъ-сыномъ Сергіемъ, при которомъ былъ наставникомъ юноша Звѣревъ, нынѣ достопочтенный протоіерей Степанъ Ивановичъ, настоятель церкви въ Воронежскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, столь успѣшно дѣйствующій въ Воронежской Ученой Коммисіи. Бесѣда графа Дмитрія Николаевича была для меня занимательна и поучительна. Онъ былъ человѣкъ многосторонняго образованія и житейской опытности. Его нерѣдко посѣщали профессора Московской Духовной Академіи, а извѣстная устроительница „Дома Призрѣнія“ Елисавета Степановна Кроткова оживляла собесѣдниковъ своимъ остроуміемъ. Безпрестрасный хозяинъ держалъ середину между нею и архимандритомъ Леонидомъ (Кавелинымъ); но особенно друженъ онъ былъ съ графомъ М. Д. Бутурлинымъ. Письма къ нему помѣщены выше, стр. 148—160. Они дополняются нижеслѣдующими. П. Б.

Письма графа Д. Н. Толстаго къ графу М. Д. Бутурлину.

Рязань, 4 Авг. 1869 г.

Зная любовь вашу, искренне любимый и уважаемый графъ, къ святой Церкви и вѣря дружескому вниманію вашему ко мнѣ, я рѣшаюсь обратиться къ вамъ съ предложеніемъ сопутствовать мнѣ въ Римъ. куда мнѣ желательно бы ѣхать въ началѣ Октября и пробыть нѣсколько мѣсяцевъ въ продолженіи Собора*). Нѣтъ сомнѣнія, что событіе это, столь важное въ исторіи Западной церкви, не лишено значенія и для христіанъ Востока, и я увѣренъ, что оно интересуеть васъ не менѣе меня. Мнѣ хочется выѣхать за долго до открытія Собора, чтобы имѣть возможность и время установить нѣкоторыя знакомства и связи. необ-

*) Это соборъ, на которомъ провозглашено было непорочное зачатіе Пресвятой Дѣвы. П. Б.